Когда вспоминаешь старую азбуку —
И всего-то секрет простой —
Родной язык становится праздником
И открывается, как простор.

И души умерших букв высвечивают,
Роднят чужие друг другу слова,
Как будто владеть при желании Вечностью
Даруют любому из нас права.

Воспринимаешь совсем без отчаянья,
Хоть это вмещает с трудом голова,
Что понятья «конец» и «начало» —
Общего древнего корня слова.

Роднит их безмолвно у всех одинаковая
«Черточка, что обозначит жизнь»*.
Так что юсовый корень — знаковый...
Сам остальное себе скажи.

Слушая Долуханову

И — рванется душа в поднебесье,
И при жизни еще воспарит.
Это свет, излучаемый песней,
В миг какой-то тебя озарит.

И могуче несет, и упрямо,
Очищая от скверны и лжи.
Может, это поет моя мама?
Аве, мама! Спасибо за жизнь!

**Из разговора.*

Входит в сердце великая сила
Охранительной, вечной любви.
Аве, мама! За песню спасибо!
Аве, дочь моя! Дальше живи!

Поэзия и женщина — одно.
И это неделимое единство
Природою самою рождено:
В нас пробуждает песни
материнство.
И песни эти странные звучат
По всей земле, у каждой колыбели.
И дважды ни одной еще не спели
И ни одной не отдали в печать.
О эти песни — души матерей,
Слова любви, мелодии предчувствий,
О это безыскусное искусство,
Которому вовек не постареть.

Склонись пред ним, завидуй и молчи,
Достигший небывалого мужчина,
И лучше не отыскивай причины:
Такому невозможно научить.

Сказочка

Испекла баба
Колобок Луны.
Кинула в небо,
Глядит со стороны —
Козырьком руку.
Другую — в бок:
То ли она баба?
То ли она Бог?
Испекла баба
Печенья сто
пудов —
Вот тебе и звезды —
Всего-то и трудов.
Из остатков теста
Слепила мужика.
Он еще печется.
Не готов пока.

Ты прав: ты правишь, ты мужчина.
Я из ребра. Всего лишь плоть.
Я — следствие, а ты — причина.
Зерно, дарующее плод.

Ты даже бог: ты мой создатель.
Но помни, власть свою любя:
Я — Женщина, я — Божья Матерь;
Я родила на свет тебя.

Зачем-то ты мне снишься снова
В моей заснеженной глуши,
А после слышится мне слово,
Как вздох, короткое — «Спеши!»

Зовешь — и на сердце тревожно,
И снова память ворошить...
Ты в отдаленье невозможном:
На расстоянии души.

Зима мне — белым яблоком из тьмы.
Дочь Евы, я опять запрет нарушу,
Чтобы проникнуть в таинства зимы
И женственности, так смутившей душу.

Зима грешна: есть срок в календаре,
Когда она должна была явиться.
Все правила нарушив в январе,
Сошла с небес, чтоб в мире воцариться.

Быт с бытием смешала не спеша,
Соединила солнце со снегами:
И холодно, да все же есть душа —
И белый свет, и почва под ногами.

И, не боясь застынуть на ветру,
Мне жить в зиме прилежной ученицей...
Быть женщиной — такой нелегкий труд,
До самой смерти предстоит учиться.

Несу домой опавшие листы,
И каждый для меня — стихотворенье:
В них столько бескорыстного горенья
И всем ветрам открытой доброты.

Какая щедрость — так себя дарить:
От маленькой, едва приметной почки
До самого последнего листочка,
И, умирая, землю озарить.

Памяти Петра Комарова

Судьба определяет сроки,
Но смерть для жизни — не предел:
Навеки воплотившись в строки,
Он жив, как сам того хотел.

И голосом его воспето —
Не подберешь точнее слов —
По Приамурью бродит лето,
Родившись из его стихов.

Лес ли вздохнул, голоса своих
жителей множа,
Птица ли, облаком скрытая,
В небе плыла —
Звук этот странный
Опять мое сердце встревожил:
Это родная душа
Издалека мне весть подала.
Горькое что-то должно
В этом мире случиться:
Дерево срубят иль птицу
в полете собьют.
Больно мне падать на землю
Подстреленной птицей,
Больно корням моим слышать
Шуршанье последних минут.
Но не даруется мне
Вот такое доверье:
Я — человек,
а природе цари ни к чему.

Не отвергайте меня,
Мои травы, деревья и звери:
Я пригожусь вам
В поруганном вашем дому.
Солнце одно в нас
и коловращение крови,
Клеточкой каждою чувствую вашу беду.
В верности вам не клянусь,
Не клянусь вам в любови.
С вами пребуду до смертного часа.
Впустите! Иду!

Кто вырастил меня? Отец и мать.
Овраг — то желтый, то слепяще белый.
И переулок, где училась бегать
И в «казаки-разбойники» играть.

Чудак и выпивоха — наш сосед:
Он мне читал то Пушкина, то Фета,
И сторож, приносивший мне конфеты
И все ворчавший: «Розог, жалко, нет».

Мальчишка рыжий — он мне доверял
Стоять в воротах и ходить в разведку,
Деревья, переполненные ветром, —
Как паруса, бегущие к морям.

Спасибо всем, кто дал мне добрый свет
И платы не потребовал при этом,
Вот и сейчас они глядят мне вслед
И, угасая, все же дарят светом.

И снова сквозь сито рассвета
Свою я просеяла жизнь,
И вот что осталось при этом,
Пройдя сквозь годов этажи:
Не сделалось главное ржавым,
Как рифма «война» и «должна»,
Как песенка Окуджавы,
Где истина, что нам нужна.
Цитата? Конечно, цитата —
Немного известных нам слов.

А если подумать, ребята,
Пожалуй, основа основ.
«Совесть, благородство и достоинство —
Вот оно, святое наше воинство,
Протяни ему свою ладонь —
За него не страшно и в огонь.
Лик его высок и удивителен,
Посвяти ему свой краткий век:
Может, и не станешь победителем,
Но зато умрешь как человек».

Читая Мандельштама

И тризна бывает победой.
Разъята извечная мгла,
И нам, от всезнания бедным,
Даруется песня Щегла.
Еще не разгаданы звуки.
Уже, спотыкаясь, спеша,
Из муки тоски и разлуки
К родному рванулась душа:
Отнять у забвенья и плена
Высокую ноту певца,
Себя ощутить во Вселенной
И в ней пребывать до конца.